Л. Черскій.

ІОГАНЪ ГУТЕНБЕРГЪ

первый изобрѣтатель книгопечатанія

и

ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ

первый русскій книгопечатникъ.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **Допущена** въ Учен. библіот. [illegible]
учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и библ[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Л. Черскій.

ЮГАНЪ ГУТЕНБЕРГЪ

И

ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

К. И. ТИХОМИРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Толмазовъ пер. № 5.

МОСКВА. Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Дозволено цензурою. Спб., 28 Сентября 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „ЭНЕРГІЯ". Загородный просп., 17.
1904.

Іоганъ Гутенбергъ,

первый изобрѣтатель книгопечатанія.

ІОГАНЪ ГУТЕНБЕРГЪ,

первый изобрѣтатель книгопечатанія.

I.

Встарину книги не печатались, а переписывались, такъ какъ печатать ихъ еще не умѣли. Перепискою книгъ занимались по преимуществу монахи. Въ каждомъ большомъ монастырѣ имѣлось особое отдѣленіе для переписки книгъ. Но переписчики-монахи часто были люди малограмотные и дѣлали много ошибокъ, а нерѣдко искажали и самый смыслъ текста. Тогда явилась потребность въ раздѣленіи труда: одни писали, другіе свѣряли, третьи исправляли и раскрашивали. Теперь книги печатаются съ рисунками; встарину книги украшались картинками, сдѣланными отъ руки. Между монахами встрѣчались искусные мастера, которые затѣйливо разрисовывали заглавныя буквы красными чернилами и киноварью.

Вмѣстѣ съ монахами перепиской книгъ занимались и послушники. Студенты очень часто платили профессорамъ перепиской ихъ трудовъ. Картины въ такихъ книгахъ нерѣдко исполнялись знаменитыми художниками. Монахи и послушники обыкновенно занимались

перепискою духовныхъ книгъ, спросъ на которыя былъ особенно великъ; научныя же и философскія сочиненія были потребностью немногихъ.

Такъ какъ для переписки книгъ требовалось очень много времени, нерѣдко около года и болѣе, то рукописныя книги стоили очень дорого и были лишь достояніемъ людей богатыхъ. За рукописную Библію платили встарину не меньше трехъ сотъ рублей, а тогда деньги были значительно дороже, чѣмъ теперь. Очень часто переплеты на книгахъ дѣлались изъ бархата или благороднаго металла, усыпаннаго драгоцѣнными каменьями, съ золотыми застежками. Такія книги покупались владѣтельными князьями, или обмѣнивались за цѣлыя рыцарскія имѣнія. Обладатели книгъ, отдавая ихъ на прочтеніе, взимали за это большую плату.

Въ среднемъ классѣ книги встрѣчались далеко не въ каждомъ домѣ, а бѣдному человѣку нечего было и думать о пріобрѣтеніи книги. Большинство людей поучалось лишь съ церковныхъ каѳедръ-проповѣдниками; даже слово Божіе люди могли слышать только въ храмахъ, во время богослуженія. Вотъ почему и школъ встарину было очень мало; небогатому школьнику не по чему было учиться. Мало было и людей, знающихъ грамоту.

Книги стоили дорого еще и по другой причинѣ. Теперь мы пишемъ и печатаемъ на *бумагѣ*, которая стоитъ очень дешево, потому что выдѣлывается изъ брошенныхъ негодныхъ тряпокъ. Встарину же писали на покрытыхъ вос-

комъ дощечкахъ, на древесной корѣ, на широкихъ и длинныхъ листьяхъ пальмъ, пока не научились дѣлать бумагу. Но прежняя бумага была много прочнѣе нынѣшней и стоила за то гораздо дороже.

Дѣлали бумагу двухъ сортовъ: *папирусъ* и *пергаментъ*.

Папирусъ—травянистое растенiе, достигающее высоты около двухъ саженъ и густыми массами растущее въ болотахъ Египта, Палестины и Сицилiи. Папирусъ очень похожъ на нашъ тростникъ, только выше и толще его. Чтобы приготовить изъ папируса бумагу, стебель его раскалывали пополамъ и сдирали съ него кору. Находившiйся подъ корой лубъ отдирали отъ вершины до корня полосками въ два-три вершка шириною и склеивали ихъ другъ съ другомъ, чтобы сдѣлать широкую полосу. Потомъ лубки смачивали нильской водой, выжимали, сушили, выглаживали и бумага для письма была готова. Выдѣлкой папируса занимался городъ Александрiя, при устьѣ рѣки Нила. Но на этой бумагѣ можно было писать только съ одной стороны.

Скоро у папируса явился соперникъ,—вначалѣ, правда, не особенно сильный,—*пергаментъ*, который приготовлялся изъ ослиныхъ, бараньихъ и телячьихъ кожъ. Острымъ ножомъ очищали кожу отъ волосъ и жира, потомъ лощили ее, намазывали особымъ составомъ и сушили. Такимъ образомъ получался самый прочный матерiалъ для письма, который не портился въ продолженiе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ. Пергаментъ стоилъ дороже папиру-

са, но за то могъ исписываться съ обѣихъ сторонъ.

Наконецъ придумали дѣлать бумагу. Въ Европѣ бумагу стали выдѣлывать съ половины XIV вѣка изъ льняныхъ тряпокъ и полотна. Съ замѣной папируса и пергамента бумагой книги стали нѣсколько дешевле, но онѣ все еще были очень дороги, такъ какъ были рукописныя. Чтобы сдѣлать книгу общедоступной по цѣнѣ, надо было кореннымъ образомъ измѣнить самый способъ производства книгъ,—а именно, существовавшій рукописный способъ замѣнить машиннымъ, фабричнымъ способомъ производства книгъ. Этотъ великій переворотъ въ книжномъ дѣлѣ произошелъ только тогда, когда переписываніе уступило мѣсто книгопечатанію.

II.

Однажды, въ Голландіи, въ маленькомъ городкѣ Гарлемѣ, соборный ризничій, по имени Лауренсъ Костеръ, случайно напалъ на такой способъ.

Какъ-то разъ, гуляя въ лѣсу близь Гарлема, онъ срѣзалъ перочиннымъ ножомъ свѣжую ивовую вѣтку, содралъ съ нея кору и вырѣзалъ выпукло буквы своего имени, въ видѣ игрушки для своего внука. Такъ какъ вѣтка была влажная, Костеръ завернулъ ее въ лоскутокъ пергамента и, положивъ въ карманъ, принесъ ее въ Гарлемъ. На другой день, желая полюбоваться своимъ произведеніемъ, онъ развернулъ пергаментъ и чуть не вскрикнулъ отъ

изумленія; онъ увидѣлъ на пергаментѣ точно такія-же буквы, какія были вырѣзаны на ивовой дощечкѣ, но только на выворотъ, выведенныя какой-то темно-рыжей краской. Въ первую минуту Кастеръ не могъ понять, отчего это такъ случилось, но потомъ сообразилъ, что выпуклыя буквы, вырѣзанныя на сыромъ ивовомъ деревѣ, въ продолженіе ночи дали изъ себя сокъ и отпечатали на пергаментѣ свое изображеніе; когда же ивовый сокъ подсохъ, то онъ потемнѣлъ и буквы стали видны отчетливо.

Это было цѣлое открытіе для Костера. Какъ человѣкъ сообразительный, онъ тотчасъ подумалъ, нельзя ли такимъ образомъ печатать книги. Онъ взялъ деревянную доску, нарѣзалъ на ней новыхъ буквъ, но только не въ прямомъ видѣ, а въ обратномъ, вмѣсто сока, покрылъ ихъ черной жидкостью и накрылъ доску листомъ бумаги, а что-бы листъ плотнѣе прилегъ къ доскѣ, нѣсколько разъ нажалъ по немъ суконнымъ сверткомъ. Затѣмъ Костеръ осторожно приподнялъ листъ и увидѣлъ на немъ отпечатанными всѣ буквы, но уже не въ обратномъ видѣ, а въ прямомъ, какъ нужно для чтенія. Такимъ образомъ онъ получилъ готовую печатную доску. Но этой доской можно было печатать только одну страницу; буквамъ ея не доставало подвижности и возможности безчисленныхъ сочетаній, потребныхъ для разнообразныхъ нуждъ печатнаго слова. Чтобы получить вторую страницу, надо было взять другую доску, вырѣзать на ней всѣ слова второй страницы, покрыть опять буквы черной

краской и оттиснуть второй листъ. И такъ, сколько страницъ въ книгѣ, столько надо было наготовить и досокъ. Чтобы напечатать цѣлую книгу, ее всю надо было вырѣзать на доскахъ, или, какъ говорятъ, *награвировать*. А гравировать было еще труднѣе, чѣмъ переписывать.

Но такой способъ печатанія книгъ былъ все же удобнѣе переписки. Переписчикъ долженъ былъ столько разъ переписывать Библію или Евангеліе, сколько книгъ хотѣлъ изготовить; между тѣмъ, кто оттискивалъ Библію по рѣзнымъ доскамъ, долженъ былъ только *одинъ* разъ вырѣзать всѣ страницы, чтобы получить столько отдѣльныхъ книгъ Библіи, сколько хотѣлъ.

Но если мало было встарину хорошихъ переписчиковъ, то рѣзчиковъ было еще меньше; кромѣ того гравированіе требовало гораздо больше труда и времени, чѣмъ переписка, и искусный рѣзчикъ цѣнился дороже переписчика и найти его можно было только за очень большія деньги. Понятно поэтому, что книги, оттиснутыя такимъ способомъ, стоили такъ же дорого какъ и рукописныя, чуть-ли еще не дороже.

Печатаніе съ рѣзныхъ досокъ было еще неудобно и потому, что книги получались съ такими же ошибками, какъ и рукописныя; невѣрно вырѣзанное рѣзчикомъ слово такъ и оставалось неисправленнымъ, потому что исправлять вырѣзанное на доскѣ было нельзя.

Надо было придумать такой способъ печатанія книгъ, который былъ бы дешевъ и удобенъ и позволялъ бы легко и скоро исправ-

лять сдѣланныя рѣзчикомъ ошибки, что-бы читатель имѣлъ книгу грамотную и вѣрную.

Этотъ способъ придумалъ Іоганъ Гутенбергъ, первый изобрѣтатель книгопечатанія.

III.

Іоганъ Гансфлейшъ Гутенбергъ родился въ 1396 году въ городѣ Майнцѣ, въ Германіи. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, члены которой цѣлыя столѣтія держали въ своихъ рукахъ управленіе городомъ. Мать его звали Елизаветой, и она была послѣдней въ родѣ дворянъ Гутенберговъ. Чтобы не дать исчезнуть роду своихъ отцовъ, она своему младшему сыну, Іогану, дала фамилію Гутенбергъ. И Іоганъ, дѣйствительно, сдѣлалъ эту фамилію извѣстной во всѣхъ государствахъ.

О дѣтствѣ Гутенберга, о его жизни въ домѣ родителей,—ничего неизвѣстно. Но, какъ сынъ старой дворянской семьи, онъ, конечно, учился въ школѣ и зналъ все, чему учили въ тѣ времена.

Городъ Майнцъ, какъ и другіе прирейнскіе города, въ то время находился подъ властью германскаго императора и управлялся самими жителями. Въ немъ правили то патриціи (такъ назывались старинные дворяне), то горожане (такъ назывались купцы и ремесленники). Между патриціями и горожанами безпрестанно происходили ссоры, нерѣдко переходившія въ схватки и побоища, которыя

оканчивались разрушеніемъ домовъ и грабежомъ имущества. Побѣдители выгоняли побѣжденныхъ вонъ изъ города, и тѣ должны были искать пріюта въ другихъ городахъ. Всѣ такія ссоры, по большей части, возникали изъ-за пустяковъ.

Гутенбергу рано пришлось принять участіе въ ссорахъ, возникавшихъ между жителями города.

Въ началѣ XV вѣка патриціи своими злоупотребленіями вызвали общее противъ себя озлобленіе всѣхъ горожанъ и тѣ, наконецъ, вытѣснили патриціевъ изъ города и захватили власть въ свои руки.

Іогану Гутенбергу только что минуло двадцать лѣтъ, когда въ городѣ произошло сильное столкновеніе между патриціями и горожанами. Причиной ссоры было то, кому первому встрѣтить проѣзжавшаго черезъ ихъ городъ короля. Патриціи опередили горожанъ. Горожане обидились и, проводивъ короля, напали на патриціевъ. Между тѣми и другими произошла схватка. Горожане набросились на дома дворянъ, стали ихъ раззорять и грабить имущество. Патриціи, не ожидавшіе ничего подобнаго, не успѣли приготовиться къ защитѣ и были побѣждены горожанами. Побѣдители отдали приказъ, чтобъ всѣ дворяне, принимавшіе участіе въ схваткѣ, покинули Майнцъ. Дворяне принуждены были выѣхать изъ своего родного города.

Въ числѣ изгнанниковъ были и родители Гутенберга. Семья его поселилась въ Страсбургѣ и долго не выѣзжала оттуда, не смотря

на то, что въ 1430 году было объявлено помилованіе всѣмъ бѣжавшимъ на чужбину.

Іоганъ Гутенбергъ удалился въ имѣніе своихъ родителей, гдѣ проживалъ его старшій братъ, но оставался тамъ очень не долго, Дѣятельный и энергичный отъ природы, онъ не могъ жить безъ дѣла, вдали отъ людей, и распродавъ все, что у него было, отправился путешествовать. Пѣшкомъ, съ котомкой за плечами, содержавшей въ себѣ бѣлье и книги, какъ простой студентъ, странствующій изъ школы въ школу, или ремесленникъ, ищущій мѣста, Гутенбергъ обошелъ берега Рейна, Италію, Швейцарію, Германію и, наконецъ, Голландію, вездѣ стараясь чему-нибудь научиться.

Послѣ того достатка и даже роскоши, которыми Іоганъ пользовался въ домѣ родителей, настоящее положеніе его было очень тяжелымъ. Денегъ едва хватало на самое необходимое и онъ долженъ былъ во всемъ себѣ отказывать. Бѣдность побудила Гутенберга изучить какое-нибудь ремесло, чтобы впослѣдствіи обезпечить себѣ существованіе. Но и помимо этого, какъ человѣкъ любознательный, одаренный выдающимися способностями, онъ интересовался разными мастерствами и очень скоро выучивался всякому новому ремеслу.

Изучая различныя ремесла, Гутенбергъ вовсе не имѣлъ въ виду всю свою жизнь посвятить плотничеству, или какому-нибудь другому ремеслу. Иная, болѣе великая, болѣе возвышенная цѣль была у него впереди. Повсюду и постоянно носилъ онъ съ собою одну сокровенную мысль, и какое-то тайное предчувствіе

говорило ему, что, рано или поздно, онъ осуществитъ ее. Дни и ночи думалъ онъ о томъ, какъ бы удешивить книги, сдѣлать ихъ болѣе доступными. Распространить по всему свѣту Слова Божіе, чтобы каждый бѣдный ремесленникъ могъ имѣть у себя свою собственную Библію,—вотъ что было завѣтной мечтой Гутенберга.

Неизвѣстно, какимъ способомъ Гутенбергъ предполагалъ сначала привести свою мысль въ исполненіе. Простой случай заставилъ его забыть все, что онъ прежде придумалъ, и сразу приблизилъ его къ желанному открытію.

Въ Голландіи Гутенбергъ познакомился съ Лауренсомъ Костеромъ и тотъ показалъ ему латинскую грамматику для семинаристовъ, вырѣзанную на деревянной доскѣ. При видѣ этой грубой доски, сознаніе Гутенберга словно озарилась блескомъ молніи. Мысли вихремъ закружились въ его головѣ. Но онъ никому не разсказалъ о своихъ думахъ и, распростившись съ Костеромъ, покинулъ Гарлемъ и отправился вверхъ по берегамъ Рейна. Придя въ Страсбургъ, Гутенбергъ поселился въ загородномъ монастырѣ св. Арбогаста на рѣкѣ Илѣ. Въ одной изъ келій его онъ устроилъ свою рабочую комнату, въ тишинѣ которой могъ спокойно отдаться своей завѣтной идеѣ.

Еще въ Гарлемѣ, смотря на доску съ вырѣзанными буквами, Гутенбергъ подумалъ: отчего бы дооску не разрѣзать на отдѣльныя буквы, или, что еще проще, нарѣзать много отдѣльныхъ буквъ. Благодаря этому, изъ подвижныхъ литеръ можно было бы получать

безчисленное множество перестановокъ, то есть, ставить ихъ въ какомъ угодно порядкѣ и, такимъ образомъ, составлять слова, изъ словъ предложенія, изъ предложеній цѣлыя страницы; затѣмъ отпечатанныя страницы разбирать для составленія новыхъ страницъ и такъ далѣе, пока не получится цѣлая книга.

И вотъ теперь онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и приготовлялъ изъ дерева отдѣльныя буквы. Передъ нимъ уже лежали нарѣзанными изъ дерева маленькія деревянныя плитки или столбики, столько, сколько было буквъ въ азбукѣ; всѣ плитки были одинаковой величины. На каждой плиткѣ онъ вырѣзалъ въ обратномъ видѣ выпуклую, рельефную букву, начиная съ первой буквы азбуки; потомъ всѣ столбики поставилъ рядомъ, одинъ возлѣ другого,—такъ, чтобы буквы приходились наверху и шли-бы въ одну линію; сбоку, въ каждомъ столбикѣ, онъ провертѣлъ насквозь по маленькому отверстію и продернулъ въ нихъ нитку; нитка плотно прижала одну плитку къ другой, такъ что онѣ не могли распасться.

Тогда Гутенбергъ, едва сдерживая волненіе, покрылъ всѣ литеры черной краской, наложилъ на нихъ листъ бумаги и осторожно прижалъ его сверху; потомъ снялъ бумагу и увидѣлъ, что на бумагѣ отпечаталась вся азбука. Радость, ни съ чѣмъ не сравнимая, охватила все существо Гутенберга. Теперь онъ достигъ всего, о чемъ такъ долго мечталъ, о чемъ думалъ дни и ночи. Тайна печатанія книгъ была у него въ рукахъ, принадлежала ему одному. Совершилось новое пріобрѣтеніе,

новое открытіе на пользу человѣчества. Не нужно больше ни рѣзчиковъ, ни переписчиковъ для каждой отдѣльной книги. Теперь надо только нарѣзать какъ можно больше отдѣльныхъ буквъ и печатать ими какую угодно книгу. Теперь можно легко исправить и ошибку, если она сдѣлана при наборѣ; стоило только вынуть невѣрную букву и замѣнить ее вѣрной.

Но это былъ только первый шагъ въ изобрѣтеніи книгопечатанія, и много еще трудовъ, заботъ и огорченій предстояло впереди Гутенбергу.

IV.

Оцѣнивъ сразу всю важность своего изобрѣтенія, Гутенбергъ скоро понялъ, что для подобнаго дѣла недостаточно одного его труда. Можно было напечатать азбуку, но напечатать книгу было уже много труднѣе. Многое требовалось для этого, — и самое главное — деньги, а ихъ-то у него и не было. Деревянныя буквы, какъ для рѣзьбы, такъ и для печатанія, были неудобны; онѣ легко ломались, трескались, стирались отъ употребленія, да и выходили грубыми, некрасивыми. Чтобы сдѣлать ихъ прочными и красивыми, нужно было найти другой, болѣе удобный матеріалъ, изъ котораго можно было бы ихъ дѣлать. Чтобы рѣшить это, надо было дѣлать опыты, пробовать рѣзать буквы изъ того, или другого матеріала, бросать неудавшіяся, дѣлать ихъ снова, — а все это стоило большихъ денегъ. Нужно было найти товарищей, которые дали бы ему

средства для его предпріятія; кромѣ того, нужно было до поры, до времени скрыть отъ своихъ будущихъ помощниковъ настоящую цѣль ихъ товарищества, чтобы они не могли какъ-нибудь случайно проговориться объ его изобрѣтеніи и кто-нибудь другой не воспользовался бы его открытіемъ.

Гутенбергъ обратился къ нѣсколькимъ знакомымъ ему богатымъ дворянамъ Страсбурга, предлагая имъ вступить съ нимъ въ товарищество, но получилъ отказъ. Въ то время занятіе ремеслами считалось унизительнымъ для дворянина; дворянинъ, сдѣлавшійся ремесленникомъ, долженъ былъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ своимъ обществомъ. Наконецъ, нашлись два предпріимчивыхъ человѣка. Это были зажиточные страсбургскіе ремесленники Андрей Дриценъ и Іоаннъ Руффе. Втроемъ они составили товарищество для выдѣлки зеркалъ, которыя тогда цѣнились очень дорого. Гутенбергъ долженъ былъ учить своихъ товарищей полировать венеціанскія стекла для зеркалъ, дѣлать для нихъ рѣзныя, металлическія рамы, а также и нѣкоторымъ другимъ мастерствамъ, за что тѣ должны были платить ему деньги. Изготовленныя зеркала товарищество продовало на Ахенской ярмаркѣ; вырученныя деньги дѣлились поровну между участниками. Такимъ образомъ, Гутенбергъ могъ своей долей барышей и платой, получаемой за обученіе, покрывать тайные расходы на развитіе и улучшеніе своего изобрѣтенія.

Въ развалинахъ древняго, заброшеннаго монастыря св. Арбогаста новое товарищество

устроило свои мастерскія. Стѣны монастыря давно обросли мохомъ, на оградѣ успѣли уже вырости небольшія деревья, и только совы и летучія мыши были единственными его обитателями. По близости жили только бѣдняки городскихъ предмѣстій, и Гутенбергъ могъ быть увѣренъ, что здѣсь никто не станетъ слѣдить за нимъ.

Дверь его рабочей комнаты постоянно была заперта на ключъ. Товарищи, думая, что онъ занимается черченіемъ плановъ, рисованіемъ фигуръ и арабесокъ для зеркальныхъ рамъ, не безпокоили его. А Гутенбергъ, между тѣмъ, дни и ночи мучился надъ приложеніемъ къ дѣлу своего открытія, производилъ опыты, обдумывалъ и изобрѣталъ новыя приспособленія.

Мѣсяцы и годы проходили въ этихъ опытахъ, то удачныхъ, то неудачныхъ, но каждый изъ нихъ уносилъ съ собой всѣ заработки Гутенберга и его товарищей.

Наконецъ, Гутенбергу удалось устроить въ маломъ видѣ печатный станокъ съ подвижными литерами, которыя можно было бы набирать. Прикрывъ модель плащомъ, онъ отправился въ городъ. Тамъ Гутенбергъ обратился къ мастеру металлическихъ вещей Конраду Зашпаху и заказалъ ему сдѣлать станокъ въ большомъ размѣрѣ. Онъ просилъ его хранить заказъ въ секретѣ, сказавъ только, что съ помощью этого прибора онъ будетъ дѣлать удивительныя вещи по части механики.

Мастеръ, взявъ въ руки модель, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и сказалъ:

— Да, вѣдь, это просто прессъ вамъ нужно сдѣлать, мессиръ Іоганъ!

— Да,—серьезно отвѣчалъ Гутенбергъ,— но этотъ прессъ въ скоромъ времени разсѣетъ мракъ невѣжества и озаритъ новымъ свѣтомъ весь міръ!—восторженно прибавилъ онъ.

Въ назначенный день мастеръ исполнилъ заказъ и доставилъ его Гутенбергу, въ монастырь св. Арбогаста.

Это былъ первый типографскій станокъ; онъ извѣстенъ подъ именемъ „собственнаго печатнаго станка Гутенберга“ и сохраняется до сихъ поръ.

Но несчастье уже подстерегало Гутенберга. Товарищи его, видя, что онъ занимается больше одинъ, стали подозрѣвать его въ томъ, что онъ отъ нихъ что-то скрываетъ, и объявили ему, что выходятъ изъ товарищества. Тогда Гутенбергъ, чтобы не лишиться денегъ, сталъ умолять ихъ не покидать его въ ту минуту, когда такъ близки уже и богатство и слава, и открылъ имъ свой секретъ. Изобрѣтеніе Гутенберга заинтересовало его товарищей, и они согласились остаться съ нимъ и помогать ему деньгами, но лишь при условіи, что онъ сдѣлаетъ ихъ полными участниками въ дѣлѣ и всѣ барыши будетъ дѣлить съ ними поровну.

Гутенбергъ долженъ былъ принять эти условія и заключить съ товарищами договоръ.

Скоро новое несчастіе постигло бѣднаго изобрѣтателя. Внезапно умеръ одинъ изъ его товарищей; братья покойнаго стали приставать къ Гутенбергу, чтобы онъ ихъ взялъ къ себѣ

въ ученики, или вернулъ имъ деньги, полученныя отъ брата. Гутенбергъ отказалъ имъ, и братья подали на него жалобу въ судъ, прося взыскать съ него всѣ взятыя имъ деньги. Судьи, разбирая дѣло, стали разспрашивать Гутенберга, на что давалъ ему товарищъ деньги, чѣмъ онъ занимался въ кельѣ; Гутенбергъ молчалъ, предпочитая лучше проиграть дѣло, чѣмъ разсказать всѣмъ о своемъ изобрѣтеніи. Онъ боялся, что на судѣ найдутся люди, которые воспользуются его открытіемъ и выдадутъ это открытіе за свое. Молчаніе Гутенберга судьи приняли за сознаніе вины и приговорили его къ уплатѣ всѣхъ взятыхъ имъ денегъ.

За долгъ мастерская Гутенберга перешла въ чужія руки. Лишившись кредита, страдая отъ недостатка средствъ, Гутенбергъ въ 1445 году возвратился въ родной городъ Майнцъ, надѣясь на помощь родственниковъ. Въ Майнцѣ у него оставался въ живыхъ дядя, у котораго онъ и поселился.

V.

Только спустя пять лѣтъ, около 1450 года, Гутенбергъ могъ снова приняться за свое любимое занятіе. Ему удалось найти одного богатаго гражданина, золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Фауста, или Фуста, который согласился ссудить его деньгами. Между новыми товарищами былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Гутенбергъ получилъ отъ Фауста 800 гульденовъ по 6%. При этомъ было выговорено, что если между договорщиками произойдутъ

несогласія, то Гутенбергъ обязанъ возвратить Фаусту занятыя деньги. Было также условлено, что Фаустъ будетъ давать Гутенбергу по 300 гульденовъ ежегодно на наемъ квартиры, на расплату съ рабочими, на пергаментъ, бумагу, краски и другія потребности. Такимъ образомъ Гутенбергу принадлежали: изобрѣтеніе, орудія и трудъ, а Фаусту только капиталъ.

Товарищи поселились вмѣстѣ, и Гутенбергъ сталъ работать надъ усовершенствованіемъ книгопечатанія. Онъ открылъ секретъ отливки металлическихъ буквъ, то есть, придумалъ ту смѣсь металловъ, изъ которой лучше всего отливать буквы, и улучшилъ типографскій станокъ.

Прежде чѣмъ достигнуть какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ, Гутенбергъ увидѣлъ, что ему не хватитъ занятыхъ денегъ и рѣшилъ снова прибѣгнуть къ займу. Фаустъ опять ссудилъ своего компаньона 800 гульденами, взявъ на этотъ разъ солидное обезпеченіе. Фаусту были заложены станокъ и матеріалы для печатанія и, кромѣ того, всѣ выгоды книгопечатанія дѣлились пополамъ.

Первою книгою, отпечатанною Гутенбергомъ, считается латинская грамматика Элія Доната. Нѣсколько листовъ ея, сохранившихся и до нашихъ дней, хранятся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ. Но эта работа была лишь пробой печати, служила какъ бы подготовленіемъ къ главнѣйшему предпріятію его жизни—печатанію Библіи.

Печатаніе первой Библіи взяло *около пяти лѣтъ*,—такъ трудно было печатать вначалѣ,—тогда какъ въ наше время былъ такой случай,

что всю Библію набрали, отпечатали и переплели въ *одинъ* день. Такъ неувѣренны, такъ робки были первые шаги книгопечатанія.

Скоро къ Гутенбергу и Фаусту присоединился новый товарищъ—Петръ Шефферъ. Онъ оказался весьма дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ. Шефферъ довольно долгое время жилъ въ Парижѣ, гдѣ пріобрѣлъ славу искуснаго рисовальщика заглавныхъ буквъ. Поступивъ въ типографію Гутенберга, онъ обратилъ вниманіе на шрифтъ и сдѣлалъ его красивѣе и изящнѣе; потомъ онъ усовершенствовалъ сплавъ для отливки литеръ и самый способъ отливки ихъ. Фаустъ, какъ человѣкъ практическій, сразу понялъ, какъ нуженъ для ихъ дѣла такой человѣкъ, и породнился съ Шефферомъ, выдавъ за него свою дочь Христину.

Вложивъ въ дѣло свой капиталъ, Фаустъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него барышей въ видѣ половины дохода, на которую онъ имѣлъ право по договору, но дѣйствительность не оправдала ожиданій. Книгопечатаніе было дѣломъ настолько новымъ, невиданнымъ до тѣхъ поръ, что нуждалось еще въ распространеніи. Мало кто зналъ, что появились новыя книги, отпечатанныя новымъ способомъ.

Къ тому-же и самая техника книгопечатанія не выработалась еще окончательно; Гутенбергу и его двумъ сотрудникамъ приходилось самимъ отыскивать новые пріемы.

Надо было ждать, пока новое изобрѣтеніе стало бы приносить барыши; но Фаустъ боялся за свой капиталъ, и между нимъ и Гутенбергомъ скоро возникла ссора, причиной кото-

рой были денежные счеты. Товарищество рухнуло, и для Гутенберга снова настали черные дни. Въ довершеніе несчастія, Фаустъ обратился въ судъ, прося взыскать съ Гутенберга, взятые имъ для дѣла, 1800 гульденовъ золотомъ съ процентами за все время пользованія капиталомъ, а всего 2026 гульденовъ золотомъ.

Процессъ возникъ передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ книги. Судъ, признавъ Гутенберга несостоятельнымъ, обязалъ его возвратить весь матеріалъ и инструменты Фаусту, а самую типографію оставилъ за нимъ.

Устранивъ Гутенберга, Фаустъ и Шефферъ продолжали сами печатать книги. Фаустъ хотѣлъ всю славу изобрѣтенія присвоить одному себѣ и ему, быть можетъ, удалось бы это, если бы молодой Шефферъ на одной книгѣ, напечатанной въ Майнцѣ въ 1505 году и посвященной императору Максимиліану, не сдѣлалъ слѣдующей надписи: „*Въ 1450 году въ Майнцѣ изобрѣтено талантливымъ Гутенбергомъ удивительное типографское искусство, которое впослѣдствіи было улучшено и распространено въ потомствѣ трудами Фауста и Шеффера*".

Между тѣмъ, лишенный всего, Гутенбергъ не упалъ духомъ. Сколько надо было имѣть любви къ дѣлу, какимъ твердымъ характеромъ обладать, чтобы перенести всѣ невзгоды, выпавшія на его долю. Другой на его мѣстѣ, послѣ всѣхъ огорченій и непріятностей, бросилъ бы все, но не таковъ былъ Гутенбергъ. Каждое препятствіе, каждый новый ударъ судьбы дѣлалъ его еще болѣе настойчивымъ, заставлялъ еще сильнѣе работать, чтобы до-

стигнуть цѣли. Типографское дѣло уже не казалось ему пустою мечтою и въ будущемъ,—онъ ясно видѣлъ это,—обѣщало очевидныя выгоды. Новый денежный компаньонъ нашелся очень скоро. Это былъ Конрадъ Гумери, по однимъ свѣдѣніямъ — медикъ, по другимъ—юристъ. Онъ далъ Гутенбергу средства, благодаря которымъ тотъ снова могъ приняться за любимую работу. Онъ изготовилъ совершенно новыя литеры и напечаталъ ими двѣ маленькія брошюрки и большое сочиненіе Іоанна де-Януа,—латинскую грамматику съ этимологическимъ словаремъ.

Въ первое время своего существованія искусство книгопечатанія хранилось въ величайшей тайнѣ. Фаустъ запиралъ своихъ рабочихъ въ мастерскихъ, устроенныхъ въ темныхъ подвалахъ, и заставлялъ ихъ клясться на св. Евангеліи, что они не разболтаютъ о новомъ производствѣ книгъ. Онъ продавалъ печатныя книги въ Парижѣ и очень скоро разбогатѣлъ.

Появленіе во Франціи первой печатной книги повлекло за собою преслѣдованіе и обвиненіе въ волшебствѣ первыхъ книгопечатниковъ. Монахи не хотѣли вѣрить, чтобы можно было безъ участія нечистой силы получать столько экземпляровъ изъ одной рукописи. Фаустъ, привезшій Библію въ Парижъ, былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Можетъ быть, монахи и сожгли бы его, если бы онъ, къ своему счастью, не умеръ въ тюрьмѣ въ 1465 году. Послѣ его смерти типографія перешла въ руки Шеффера, который погибъ при штурмѣ Майнца непріятельскими войсками, которыми пред-

водительствовалъ Курфюрстъ Адольфъ Нассаускій. Наборщики, работавшіе въ типографіи, или, какъ ихъ тогда называли, *дѣти Гутенберга*, захвативъ съ собою шрифтъ, разбѣжались во всѣ стороны и вездѣ распространили свое искусство. Типографія Гутенберга осталась нетронутой.

Когда утихла война, побѣдитель, Адольфъ Нассаускій, пожалѣлъ Гутенберга, оставшагося безъ куска хлѣба, и послѣ заключенія мира, 18 января 1465 года, принялъ на вѣчную службу къ себѣ *„какъ своего любезнаго и вѣрнаго слугу, оказавшаго ему многія услуги“*, сдѣлавъ его своимъ придворнымъ. Ежегодно Гутенбергъ получалъ отъ Курфюрста придворную одежду дворянина, двадцать четвериковъ муки и двѣ бочки вина.

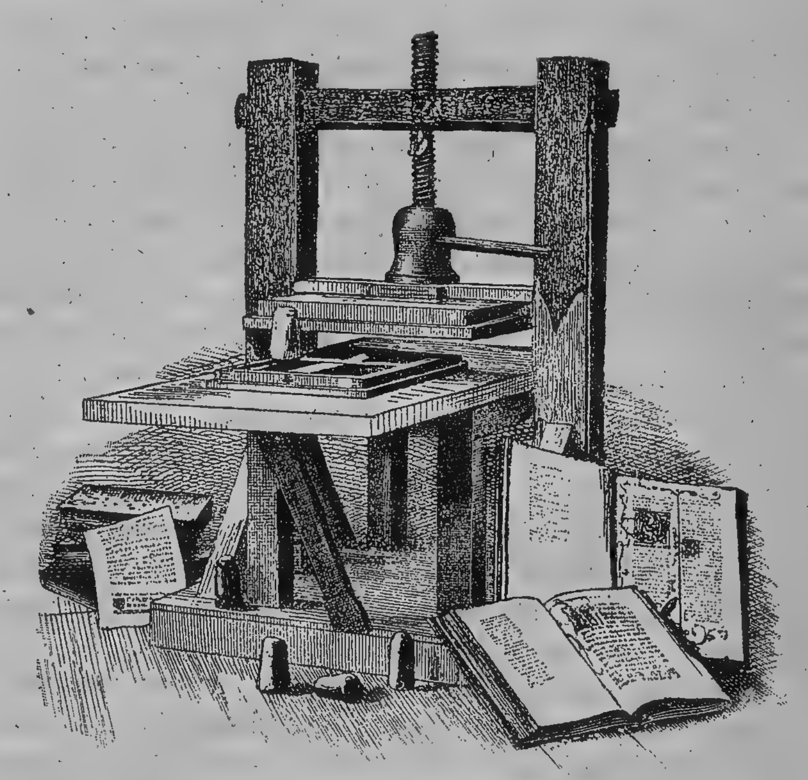
Такова была при жизни скромная награда изобрѣтателю за его великое изобрѣтеніе. Обезпеченный матеріально, Гутенбергъ могъ теперь спокойно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ своей жизни въ Нассау, онъ продолжалъ собственноручно печатать книги. Онъ былъ счастливъ, такъ какъ могъ видѣть полный успѣхъ книгопечатанія.

Но жизнь человѣческая такъ коротка. Дни славнаго изобрѣтателя были уже сочтены. Въ концѣ января 1468 года Гутенберга не стало. Онъ похороненъ въ Майнцѣ, въ одной изъ церквей. Впослѣдствіи церковь эта была разрушена, и могила Гутенберга затерялась.

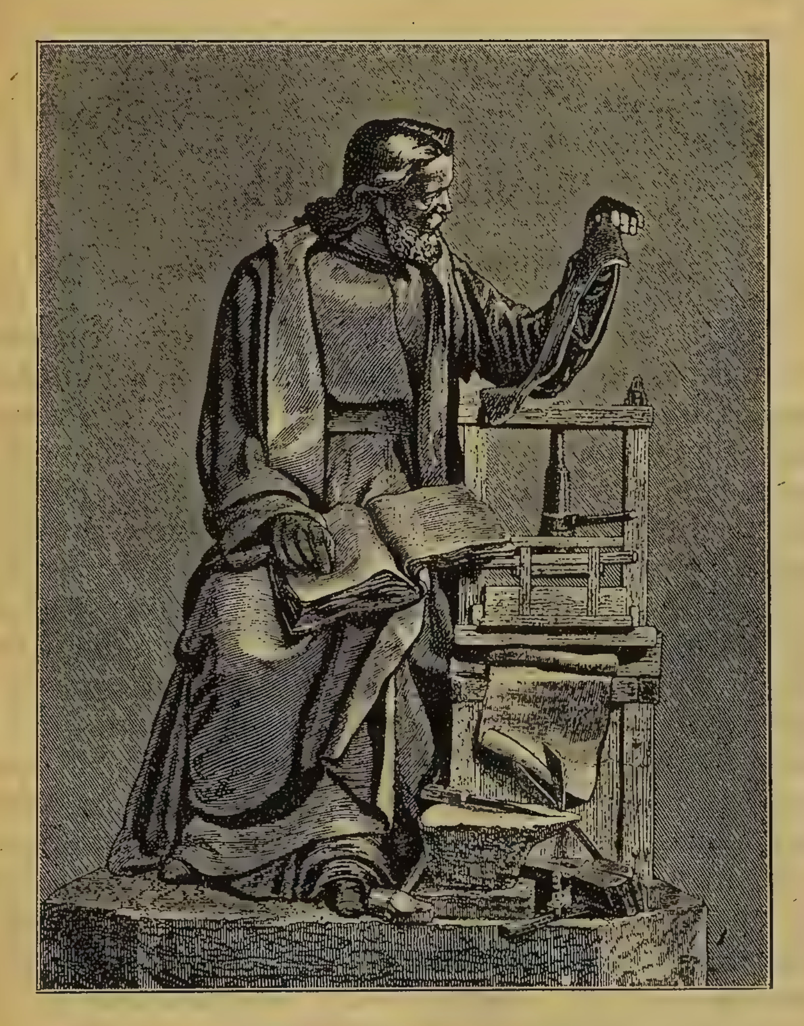
Такъ кончилъ свою жизнь этотъ великій человѣкъ. Но искусство, изобрѣтенное имъ, не умерло, оставшись на вѣки славнымъ памятникомъ всей его жизни, посвященной на поль-

зу человѣчества. Послѣ его смерти книгопечатаніе стало быстро распространяться по всему міру. Черезъ два-три года во всѣхъ европейскихъ столицахъ были уже типографіи. Франція, Англія, Голландія, Германія, Венеція, Женева, Римъ наперерывъ спѣшили воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ для размноженія у себя книгъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Благодарное потомство поставило Гутенбергу памятникъ, и не одинъ, а нѣсколько,— въ городахъ Майнцѣ, Страсбургѣ, и Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ прежде всего процвѣло книгопечатаніе.

Первый типографскій станокъ.

Иванъ Θедоровъ,
первый русскій книгопечатникъ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ,

первый русскій книгопечатникъ.

На Руси, какъ и вездѣ, до появленія печатныхъ книгъ, существовали книги писанныя. Переписываніе книгъ служило единственнымъ способомъ ихъ размноженія. Переписчики на Руси существовали уже въ самыя древнѣйшія времена. Древне-русскій лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что они были уже въ самомъ началѣ XI вѣка, при великомъ князѣ Ярославѣ. Мудрый князь любилъ книжное ученіе и много заботился о насажденіи его на Руси. По примѣру отца своего, равноапостальнаго князя Владиміра, который „любилъ словеса книжныя", и сынъ его, Ярославъ, до того былъ преданъ книгамъ, что съ любовью читалъ ихъ днемъ и ночью. Онъ составилъ вокругъ себя цѣлое общество людей, довольно образованныхъ по тому времени, которые перевели, по его порученію, многія книги съ греческаго языка на славянскій, а другія, переведенныя раньше въ Болгаріи, списали. Съ этою цѣлью Ярославъ собиралъ около себя искусныхъ писцовъ, которые занимались перепиской книгъ. Переписывали книги и монахи въ монастыряхъ. Въ то время не писали еще

такъ, какъ пишемъ мы, а каждую букву старательно вырисовывали. Нѣкоторые писцы и монахи дѣлали это очень искусно. Заглавныя и начальныя буквы обыкновенно очень старательно рисовали и придавали имъ иногда очень затѣйливый видъ. Книги эти предлагались Ярославомъ для чтенія всѣмъ вѣрнымъ, то есть надежнымъ людямъ. Во время своего княженія онъ собралъ много книгъ и положилъ ихъ при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и, такимъ образомъ, основалъ первую въ нашемъ отечествѣ библіотеку.

Книги пріобрѣтались не только для церквей, но благочестивые князья и богатые люди изъ бояръ не жалѣли издержекъ, чтобы имѣть у себя дома рукописныя книги.

Сынъ Ярослава, великій князь Всеволодъ Ярославичъ, не менѣе отца любилъ книги и наполнялъ ими „клѣти", то есть горницы своего дома, священными книгами. Монастыри въ то время служили школою для народа и являлись единственнымъ разсадникомъ грамотности. Въ тишинѣ монастырскихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы св. отцовъ церкви.

По словамъ того же лѣтописца, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ былъ чернецъ Иларіонъ, который умѣлъ хорошо переписывать книги; онъ такъ полюбилъ это дѣло, такъ пристрастился къ нему, что нерѣдко занимался имъ и по ночамъ въ келіи блаженнаго Ѳеодосія.

Основатель и первый игуменъ знаменитаго Тройце-Сергіевскаго монастыря, преподобный

Сергій, со своими подвижниками, тоже занимался перепискою книгъ, употребляя часто, за неимѣніемъ бумаги, бересту. Вообще, береста въ древней Руси была самымъ распространеннымъ матеріаломъ для писанія книгъ.

Перепискою книгъ занимались и міряне, а иногда даже и князья. Въ монастыряхъ книги переписывались не только для своего обихода, но и на продажу. Монахи далекаго Соловецкаго монастыря, затерявшагося на крайнемъ сѣверѣ Россіи, ведя непрестанную борьбу съ суровой природой, находили время заниматься перепиской книгъ для продажи. Велика просвѣтительная заслуга монастырей древней Руси. Русскіе подвижники порывали со свѣтомъ, покидали города и, движимые святымъ чувствомъ, уходили въ сѣверную глушь. Тамъ они расчищали лѣса, строили келіи, основывали монастыри и поощряли иноковъ къ переписыванію книгъ. Мало-по-малу и при монастыряхъ стали составляться библіотеки рукописныхъ книгъ. Новыя церкви нерѣдко снабжались книгами изъ монастырскихъ библіотекъ. Дѣти учились читать по псалтырю въ церквахъ и монастыряхъ. Книги все же были еще рѣдки, а главное стоили очень дорого, и научиться по нимъ читать и писать можно было только въ монастырѣ, или церкви. Небрежное отношеніе къ книгѣ считалось тяжкимъ грѣхомъ, особенно если она находилась въ церкви.

Увеличивалось государство русское, богатѣли города, росло число церквей, умножалось книжное ученіе и все болѣе и болѣе увеличивался спросъ на книги. Монастырскихъ рукъ

уже не хватало, и перепиской книгъ стали заниматься дьяки. Въ Москвѣ явился особый классъ „доброписцевъ“, которые занимались только тѣмъ, что переписывали книги на продажу. Писанными книгами стали торговать на ярмаркахъ.

Въ 1553 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строившихся многихъ церквей, воздвигаемыхъ въ завоеванномъ Казанскомъ царствѣ, повелѣлъ скупать рукописныя книги на рынкахъ. По всему Московскому государству особые люди собирали книги и отсылали ихъ казанскому владыкѣ Гурію. Но изъ огромнаго числа купленныхъ рукописныхъ книгъ очень немногія оказались годными; въ другихъ же было такъ много пропусковъ, ошибокъ, описокъ и искаженій, что исправить ихъ не было возможности. Это обстоятельство навело царя на мысль завести въ Москвѣ книгопечатаніе. Онъ зналъ уже о существованіи печатныхъ книгъ, такъ какъ сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ типографскій станокъ началъ работать въ другихъ государствахъ. Когда царь сказалъ митрополиту Макарію о своемъ намѣреніи, оно пришлось тому очень по душѣ.

— Эта мысль,—сказалъ онъ,—внушена самимъ Богомъ; это-даръ свыше исходящій.

Тогда царь велѣлъ строить особый домъ для помѣщенія типографіи и пріискивать мастеровъ. Оказалось, что у насъ уже были свои книгопечатники, изучившіе новое искусство и полюбившіе его до самоотверженія. То были два мастера: діаконъ церкви Николы Гостун-

скаго въ Кремлѣ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ, по прозванію Мстиславецъ. Учителями нашихъ первопечатниковъ, какъ полагаютъ, были итальянцы. Московское государство при царѣ Иванѣ III было въ близкихъ сношеніяхъ съ Италіей, особенно съ Венеціей, откуда прибывали въ Москву художники и разнаго рода ремесленники. Венеція была однимъ изъ первыхъ городовъ, въ которыхъ прежде всего процвѣло типографское искусство. Иванъ Ѳедоровъ, какъ видно, хорошо изучилъ свое дѣло. Онъ не только умѣлъ самъ набирать и печатать книги, но и отливать очень искусно литеры.

Постройка дома, или „Печатнаго двора", какъ его называли, для типографіи длилась десять лѣтъ. Только въ апрѣлѣ 1563 года наши первопечатники могли начать печатаніе книгъ.

Печатаніе первой книги продолжалось около года; то были „Дѣянія Апостольскія. Посланія соборныя и святаго апостола Павла Посланія". Книга вышла очень красивой; чистота работы была поразительная. Второй книгой былъ „Часовникъ", а третьей „Евангеліе", напечатанное въ Москвѣ около 1568 года.

Царь Иванъ Васильевичъ не жалѣлъ своей царской казны на печатное дѣло. Но противъ книгопечатанія и противъ первыхъ печатниковъ нашихъ возстали переписчики, понявшіе, что печатаніе книгъ отобьетъ у нихъ заработокъ. Въ городѣ и въ народѣ они стали распространять клевету на печатниковъ, обвиняя ихъ въ волшебствѣ. Клевета сдѣлала свое дѣло:

печатный дворъ былъ подожженъ, а типографія разграблена.

Иванъ Ѳедоровъ, спасаясь отъ разъяренной толпы, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, принужденъ былъ ночью, тайкомъ, бѣжать изъ родного города. Они удалились въ Литву, унося съ собою нѣкоторыя типографскія принадлежности. Гетманъ Ходкевичъ радушно принялъ ихъ и въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, близъ Бѣлостока, устроилъ типографію. Иванъ Ѳедоровъ остался работать у Ходкевича, а Петръ Тимофеевъ нашелъ себѣ пріютъ у Мамоничей въ Вильнѣ, гдѣ тоже сталъ заниматься печатаніемъ книгъ.

Страдая частыми головными болями, Ходкевичъ скоро закрылъ типографію. Но за короткое время онъ успѣлъ такъ полюбить и привязаться къ трудолюбивому и скромному Ѳедорову, что передалъ ему въ полное право владѣнія небольшое помѣстье, въ которомъ онъ могъ бы спокойно заниматься хозяйствомъ. Но первый русскій книгопечатникъ пылалъ такой страстью къ своему дѣлу, что ни за что на свѣтѣ не соглашался промѣнять свое искусство на плугъ. По его собственнымъ словамъ, онъ предпочиталъ: „вмѣсто житныхъ сѣмянъ, духовныя сѣмяна по вселенной разсѣвати". Въ предисловіи къ позднѣе напечатанной имъ Библіи онъ говоритъ: „Я убоялся Христа моего, который спроситъ у меня: лукавый рабе, зачѣмъ не отдалъ серебра Моего, а закопалъ талантъ свой въ землю?"

Поблагодаривъ Ходкевича за гостепріимство, Иванъ Ѳедоровъ снова пустился въ путь.

Онъ отправился въ Галицію, въ городъ Львовъ, гдѣ въ это время при Успенской церкви было учреждено братство.

Сурово встрѣтилъ его незнакомый городъ. Нищимъ, безъ копѣйки денегъ, вошелъ въ него Иванъ Ѳедоровъ, прося Бога лишь о дарованіи ему силъ и средствъ потрудиться для духовнаго просвѣщенія народа.

„Податель христіанамъ истиной мудрости, вразуми меня, и испытаю законъ Твой, и не отыми онъ меня словесъ истины ради братій моихъ и ближнихъ“,—такъ горячо молился нашъ первопечатникъ. Онъ сталъ обходить богатыхъ и знатныхъ гражданъ, съ поклонами и со слезами на глазахъ моля ихъ оказать ему помощь, чтобы онъ могъ начать печатаніе, обращался къ священникамъ повѣдать по церквамъ мірянамъ и христолюбцамъ, чтобы они помогли ему своими средствами, но глухи оставались богатые къ мольбамъ его.

На помощь къ Ивану Ѳедорову пришли небогатые горожане и нѣкоторыя духовныя лица. Они собрали между собой немного денегъ, на которыя онъ приступилъ къ печатанію второго изданія „Дѣяній Апостольскихъ“. Въ концѣ этой книги имѣется подпись: „Іоаннъ Ѳедоровичъ, друкарь Москвитинъ“.

Но въ Львовѣ Иванъ Ѳедоровъ оставался недолго. Бѣдность заставила его покинуть этотъ городъ и отправиться въ городъ Острогъ, куда приглашалъ его князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій. Передъ отъѣздомъ Ѳедоровъ долженъ былъ заложить одному еврею всѣ свои типографскіе инструменты и фор-

мы и сверхъ того 140 рукописныхъ книгъ на русскомъ языкѣ.

Около этого времени князь Острожскій задумалъ напечатать цѣликомъ всю Библію, всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Дѣло это по тому времени являлось очень труднымъ. Полнаго списка всѣхъ книгъ подъ руками небыло, да и достать ихъ было трудно. Въ греческіе, сербскіе и болгарскіе монастыри были отправлены княземъ послы просить книгъ правильныхъ, хорошо исправленныхъ. Только въ одной Москвѣ нашлись совершенно вѣрные списки. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный разрѣшилъ посланнику доставить ихъ князю Острожскому.

Иванъ Ѳедоровъ, по порученію князя, вмѣстѣ со своимъ сыномъ приступилъ къ печатанію первой полной Библіи; это была знаменитая Библія Острожская, отпечатанная въ 1581 году на славяно-русскомъ языкѣ.

Полныхъ списковъ Библіи, въ которыхъ по порядку были бы переписаны всѣ книги Ветхаго и Новаго завѣта, и въ самой Москвѣ было не болѣе двухъ экземпляровъ. Появленіе Острожской Библіи было великимъ дѣломъ, окончивъ которое и издатель, и типографщикъ были очень рады.

Въ началѣ Библіи имѣется слѣдующая трогательная молитва князя Острожскаго: „Боже, Отче Вседержителю —благослови нынѣ пріяти Божественное и всесвѣтлое писаніе отъ мене грѣшнаго и умаленнаго раба Твоего: Твоя бо отъ Твоихъ воистину Тебѣ приносятся“.

Послѣ словъ князя слѣдуетъ краткая за-

мѣтка Ѳедорова: „Сущіа же благопріятныя и душеисправительныя кни́ги Ветхаго и Новаго завѣта напечаташася мною многогрѣшнымъ Іоанномъ Ѳедоровымъ з Москвы въ богохранимомъ градѣ Острозѣ въ лѣто отъ созданія мира 7089“, то есть въ 1581 году отъ Рождества Христова.

Окончивъ печатаніе Библіи, Ѳедоровъ снова вернулся въ городъ Львовъ, надѣясь продолжать здѣсь свою типографскую дѣятельность, но смерть помѣшала исполненію его плановъ. Онъ умеръ 5 декабря 1583 года. Въ предмѣстьи города Львова, на кладбищѣ при церкви преп. Онуфрія, показывали простой надгробный камень, подъ которымъ покоился Иванъ Ѳедоровъ.

Въ настоящее время могила перваго русскаго книгопечатника, какъ и мѣсто послѣдняго успокоенія Іоанна Гутенберга, перваго изобрѣтателя книгопечатанія, затеряна для потомства.

